

УДК 808.26-541.2

В.И. Сенкевич

д-р филол. наук, проф.,

проф. каф. *общеобразовательных дисциплин и методик их преподавания*
*Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***ПОПРАНИЕ ЧЕСТИ И ОСКОРБЛЕНИЕ ДОСТОИНСТВА
В ЯЗЫКЕ И РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

С лингвистической точки зрения рассматриваются правовые категории честь и достоинство. Доказывается неправомерность отождествления оскорбления личности с бесчестьем. Концепт чести трактуется в контексте имманентной локализации человеческого индивида в пределах собственного эмпирического опыта. Релевантными понятиями бесчестия выступают смыслы, стоящие за акциями, называемыми поправанием и поруганием. В широком смысле этическая нечестивость объединяется фундаментальным концептом, называемым хамством. Поруганную и поправанную честь человек переживает как личную обиду. В статье не только рассматриваются негативные моменты, касающиеся чести, но и описываются известные в русской культуре приемы чествования. В качестве ритуального приема чествования исследуется величание, порождающее особый тип речи – велеречие. Доказывается связь моральной категории достоинство с институтом имени собственного, манифестирующего идею свободы и воплощающего моральные динамические стереотипы. Институт имянаречения трактуется как способ сублимации индивидов над их физической реальностью. Исследуется пошлость, оскорбляющая личность. Приводятся образцы оскорбления личного, профессионального и национального достоинства.

Оскорбление и бесчестие

Информацией к размышлению стало знакомство со статьями Уголовного кодекса Республики Беларусь и Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, посвященными оскорблению.

Статья 189. Оскорбление

1. Умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме (оскорбление), совершенное в течение года после наложения мер административного взыскания за оскорбление или клевету, наказывается общественными работами, или штрафом, или исправительными работами на срок до одного года, или ограничением свободы на срок до двух лет. 2. Оскорбление, нанесенное в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, – наказывается штрафом, или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом на срок до трех месяцев, или ограничением свободы на срок до трех лет [1].

Статья 9.3. Оскорбление

Оскорбление, то есть умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме, – влечет наложение штрафа в размере от четырех до двадцати базовых величин [2].

С лингвистической точки зрения тексты приведенных статей нельзя назвать грамотными¹. Законодатель отождествляет оскорбление с унижением чести и достоинства личности. Однако оскорбление не то, что бесчестие. Трактовать оскорбление как «умышленное унижение чести и достоинства личности» неправомерно. Лингвисты заметят здесь смешение концептуализации и категоризации, семантики и прагматики; социоло-

¹Необходимо отдавать себе отчет, что правка статей Уголовного кодекса – дело Законодателя. Однако у кого, как не у лингвистов, должен быть в этом деле совещательный голос. При всем том, что юридическая лингвистика в нашем государстве находится пока еще в зачаточном состоянии.

ги отметят несводимость человеческого к людскому; экономисты возразят против смешения классической модели роста и институциональной парадигмы развития.

Этические аспекты институционализации. Защита чести

Имманентный уровень фактического бытия – человеческая жизнь. Концепт чести присущ человеку (*честный человек*) и проявлен в разных субкультурах². Жить честно, работать честно и т.п. – в этом состоит главная интенция христианской этики. По сути, любой человек есть «невольник чести»³. Человек волей-неволей живет до тех пор, пока не «выйдет в люди», т.е. не станет личностью и не обретет гражданское достоинство.

Честью называется вербальный концепт. Ср.: *Досадно мне, коль слово честь забыто...* (Высоцкий). Концептуальная сущность чести проявляется в т.н. прописных истинах: «*надо быть честным*»; «*обманывать нехорошо*». Подобные истины обладают бытовым статусом и реализуются на уровне этического факта («де-факто»). Честь проста как истина, потому в составе уголовного преступления она не фигурирует. Однако честь не пустое слово⁴. Слово чести есть дело, за которое несут ответственность не по закону, но по совести. Честное слово принадлежит личному опыту человека. Постигаемая в опыте реальность называется переживанием. Феномен переживания не имеет отношения к чувственной физической рефлексии. Внутренней феноменальной сущностью переживания отличаются от внешних явлений. Переживаемая в опыте этическая реальность не существует как отраженная – явленная и видимая. Любая рефлексия лишает ее бытия, подменяет проективным образом. Неотраженный свет в религиозном опыте воспринимается как свет Божественный. В нем Жизнь, Путь и Истина.

Защита чести – одна из главных интенций христианской этики. Честь как величайший Божий дар человеку в буквальном и фигуральном смысле может быть поруганной. Слово *рѣгъ* известно в церковнославянском языке со значением «осмеяние», «насмешка»: *повѣжденъ быхъ мѣжи сими сватыними и быхъ въ сѣмъ въ рѣгъ* (Супр. 78, 29); *рѣгъ творити* – насмеяться, высмеивать: *печали рѣгъ творѣхъ* (Супр. 397, 28); *упити до рѣга* – напоить до потери сознания: *лице кто дроуга своего оупитъ до рѣга да постите сѣ оба ж дьнен* (Евх. 104а 25) [3, с. 588]. Смысловыми эквивалентами *рѣга* в современном русском языке выступают слова *глумление*, *издевательство*, *позор*.

В широком смысле всякого рода нечестивость объединяется этическим концептом, называемым *хамством*. Хамство принадлежит реальности факта, констатируется как факт. Так, в повести А.П. Чехова «Учитель словесности» один из персонажей – старик Шелестов – периодически констатирует факты проявления хамства со стороны окружающих его людей: *Это хамство! – говорил он [старик Шелестов]. – Хамство и больше ничего. Да-с, хамство-с! – Это хамство! – доносилось с другого конца стола. – Я так и губернатору сказал: это, ваше превосходительство, хамство! – Это хамство! – говорил он. Так я ему прямо и скажу: это хамство, милостивый государь!* Хамом принято называть «грубого, наглого человека» (Ожегов); *хам* – лакей, холоп, неуч» (Даль). Слово *хам* происходит от собственного имени, ставшего нарицательным. По библейской легенде, Хам – один из сыновей Ноя. Увидев однажды отца голым, он высмеял

²Так, в уголовной субкультуре честного вора называют *фраером*.

³М.Ю. Лермонтов называет поэта «невольником чести»: *Погиб поэт! – невольник чести – // Пал, оклеветанный молвой (Смерть поэта)*. Перифраза здесь не случайна. Поэт – «глашатай истин вековых».

⁴Слово к делу не пришьешь (посл.)

его. *Хамское* слово – антипод слова честного. Грубое слово задевает то, что в человеке свято; неволит и насилует его: *задеть* (*затронуть* и т.п.) *за живое* – взволновать, произвести сильное впечатление [4].

Святое не допускает насилия; его нельзя трогать⁵. С ним человек вступает в контакт. Сущность этических феноменов «касательная»: *прикосновение к вечности, прикосновение к памяти, прикосновение к истине* и т.п. *Касание* – понятие, приобретающее философский статус в рамках философии постмодернизма (Мерло-Понти, философия Другого). Касание описывает способ, которым наше тело вписывается в мир, не разрушая ни его, ни себя. Касание предусматривает известное ощущение, приобретаемое человеком благодаря целостному опыту жизни и деятельности в пространстве [6, с. 327]. Феноменологическому опыту человек обязан врожденной способности к неосознаваемому касанию. Честь есть то, что касается человека. В этической реальности неприкасаемое обладает крайне негативным статусом⁶. Неприкасаемое оскверняет того, кто к нему прикасается.

Помимо слова *поруганіе* к чести применяется также слово *попраніе*. Оно принадлежит к т.н. книжному велеречию: *попирать*: «1. ‘топтать кого-, что-л., наступать на кого-, что-л. (обычно с презрением)’, 2. (перен.) ‘пренебрегая, грубо нарушать, унижать’; *попраніе* (книжн.) ‘полное пренебрежение к чему-л., нарушение чего-л.’: [Андрей]: *Той свадьбы не бывать-с!* [Гаврила Пантелеевич]: *Как так? Воле родительской противиться, закон попить!* (А. Островский); *Я не могу простить, когда попирают мои права, потому что я не раб, не невольник!* (Вересаев); *Капризная «Мазурка» [Прокофьева] – шалость балованного юноши, бравирующего своим бесстрашием в поправнии заветов общепринятого музыкального вкуса* (Асафьев) [4]. В староцерковнославянском языке: *Ѣко попираахъ другъ друга* [3, с. 479].

Не дадите стаа псѡмъ, ни пометайте висеръ вашихъ пред свиіами, да не поперѣтъ ихъ ногами своими и вращесѡ расторгнѣтъ вы (Мф 7:6).

Поруганную (попранную) честь человек переживает как обиду. Статьи «Обида» в Уголовном кодексе нет. В первом русском судебнике Ярослава Мудрого «Русская Правда», датированном 1016 г., такая статья была. Однако она – лишь название правовой нормы.

Речевой практикой выработано множество приемов, бесчестящих человека. Чаще всего применяется прием обзывания; *обозвать* – ‘назвать каким-либо обидным, бранным словом’. [Должников] *обозвал приказчика болваном и затем, развалившись в коляске, покотил в город* (Чехов, «Моя жизнь»); *Сначала он обозвал скверными словами хозяина, потом своих собеседников* (Куприн, «На покое») [4]. Многочисленные слова русского языка обладают бесчестящей коннотацией: *балда, обалдуй, оболтус, олух, остолоп, недоумок, осел, идиот, кретин* и т.п. Этическим феноменом русской речи является слово *дурак* и его дериваты *дурень, дуралей, дурачина*. Поводом для обзывания этим словом, как и во все случаях бесчестия, является этически релевантный

⁵Тронуть не значит прикоснуться. Табу на трогание целиком распространяется на честь. Затронутая честь квалифицируется как поругание, переживается лично.

⁶Неприкасаемые – лица, принадлежащие к кастам, занимающим низшее положение в индуистской социально-кастовой системе. Неприкасаемость связана с занятиями, считающимися в индуизме нечистыми (обработка кожи, уборка мусора и пр.). Индуизм запрещает общение с «неприкасаемыми» лицам из более высоких каст. В индуизме общение с неприкасаемыми считается оскверняющим для лиц, принадлежащих к более высоким кастам. В современной Индии дискриминация «неприкасаемых» запрещена [5].

смысл «не так»: *Что ни делает дурак, // Все он делает не так. // Начинает не сначала, // А кончает, как попало* (С. Маршак).

В русском языке зафиксированы не только негативные моменты попрания чести. Институциональный аспект чествования проявляется в ритуальной акции величания. Названный ритуал имеет давнюю традицию и сохранился в русской культуре до сих пор⁷. Велеречие – особый жанр речи⁸.

Дериваты с **веле-** в церковнославянском языке приносят «восклицательный» смысл. То, что обладает смыслом «**веле**», способно породить удивление. Отмеченный смысл объективно соотносится с величиной: **веле** (**W** **веле**) межд.: *ох, о как W веле медь капьюштин азък дѣттин* (Супр.): **велезълоба**; **велененависть**; **велии** ‘большой, громкий’: **дары велии**; **възъпивъ гласомъ велиемъ** (Зогр.); **велинство**, **великота** ‘необычайно большая величина’; **великолѣпотне** ‘великолепие’; **великъ**, **величавъ**, **величаник**, **величати**, **величик**, **величьствик**, **величьство**, **вельгласнъ**, **вельдарованик**, **вельможа**, **велерѣчевати** ‘кичиться, превозноситься’; **вельмѣдровати** ‘быть самонадеянным’; **велерѣчивъ** ‘хвастливый’; **вельми** ‘очень весьма’ [3].

Смыслом «веле» (лат. *magnus*) акцентируется момент стоимостного осмысления реальности. В польском языке: *wiele wart* (‘wartościowy’); *wiele wody upłynęło* – ‘minął dłuższy okres czasu’; *nażbyt wiele, aż nażbyt wiele* – ‘zbyt dużo’; *nie tak to wiele* – ‘niewiele’; *tego już za wiele, tego mi za wiele!* – ‘wykszyknienie wyrażające oburzenie z powodu czegoś, co przekracza dopuszczalne granice’; *za wiele na raz* – ‘za dużo jednocześnie, za jednym razem’; *wiele stanowić* – ‘dużo znaczyć itp.’ (Фразеологический словарь польского языка). *Magnus* не связан с внешней силой. Сущность его энергетическая. В нем проявляются этические феномены внутреннего мира человека, его мироощущение.

Смысловыми эквивалентами польского *wiele* выступают лексемы: рус. *очень*, *оченно* (прост.), *весьма* (книжн.); бел. *вельмі*; пол. *bardzo*. Они выражают субъективное впечатление от восприятия чего-либо: *Вава оченно молода, куда ей замуж теперь* (Герцен, «Кто виноват»). Известна интернациональная этическая формула приятия: рус. *Очень приятно!* – бел. *Вельмі прыемна!* – пол. *Bardzo miło!* Произнося подобную формулу, говорящий не только констатирует факт личного признания собеседника, но и тем самым чествует его (интенция: Для меня честь с вами познакомиться; ср. пол. *To dla mnie zaszczyt*). Речевые формулы чествования составляют этический фонд любого языка.

Речевые инъективные формулы, обладающие фундаментальным этическим смыслом «*magnus*», не являются показателями степени. Они выступают субъективными выразителями меры. В них проявляется момент внутренней самореализации референта, уровень его самости. Так, «вельможа вначале означало отвлеченное понятие; под влиянием **вельмѣжъ** получило новое значение *homo potens*» [8, с. 71].

Мир феноменальный и его антипод мир внешний существуют как миры параллельные. Сравнивая антонимические пары *большой – малый* и *крупный – мелкий*, нельзя не заметить их разную (формальную и субстанциальную) направленность. Селективная

⁷Упомянутый ритуал известен у цыган. Его описание находим в произведениях Л.Н. Толстого.

⁸Политическое велеречие – яркая черта советской эпохи. «*Наш курс, как и прежде – это курс мирного созидания, дальнейшего преобразования необъятных просторов страны, преумножения материальных и духовных богатств советского народа. И никому нас с этого пути не свернуть* (продолжительные аплодисменты). *Огромная, прекрасная у нас страна, товарищи. Гигантские мы делаем дела. Советский Союз не запугать никому. Наши силы и возможности огромны*» (В конце речи – бурные продолжительные аплодисменты. Присутствующие в зале стоя скандируют: «*Ленинской партии – слава*» [7].

пригодность материальной субстанции проявляется в ее качествах, как-то: «зернистость», «плодность», «зрелость», «рослость», «ядренность», «шерстность» и т.п.: *мелкоплодный, мелкозернистый, мелкошерстный, мелкокристаллический, крупносеменной, крупноплодный* и т.п.

Качество *крупность* замечаем в слове *крупна*: «крупень, крупна, крупно; крупный, собств.; из ядреныхъ зеренъ состоящій; напр.: *крупное зерно, крупный жемчуг, крупная ягода, дождь* и т.п.; затем вообще о величине; напр., *крупная скотина* и проч. <...> – Без сомненія къ *крупна*. <...> значение развилось в сторону *magnus*» [8, с. 396]. Этимон *magh замечаем в *магнолия* – растение с крупными цветами; в *magnat* – крупный предприниматель; ср.: *magister; Jego Magnificencja* (титул). Есть версия о происхождении *великъ, вели* от вол. «Meillet (Et. 242) допускает общее происхождение съ *воль* (тогда вокализм *e/o*)» [8, с. 109]. Реализацию рассматриваемой деривационной модели замечаем в *буйный*: происходит «отбуй – *быкъ*» [8, с. 109]; ср.: диал. *буен* – бык. Не случайно в заимствованном слове *буйвол* (*bosbudalis*) «в народной этимологии вторая часть ассимилировалась съ *воль*, первая – съ *буй*» [8, с. 89].

Прилагательные *мелкий* и *крупный* в буквальном смысле отмечают «калибр» реалий: *крупный зверь, мелкая птица, крупная и мелкая картошка, крупный рогатый скот* и т.п. В фигуральном смысле с их помощью создаются дескриптивные презентации фигуры человека: *крупный собственник, крупный талант, крупный ученый* и т.п.; ср.: *звезда первой величины*. То, что воспринимается великим, составляет контрастирующую на фоне фигуру мышления; ср.: *большой начальник*, но: *великий поэт, великий писатель, великий художник, великий музыкант; величие Шекспира и Гете* и т.п. В величии замечается этический момент необычности – превосходства обычной меры: *Великие люди. Великая победа. Великое сражение. Великая радость. Великодушие. Великая буква языка русского в русском языке сменилась «большой буквой»; ср.: Человек с большой буквы*. Очевидно, светская «большая буква» не уместна в деле величания.

В народно-поэтическом творчестве *буйный* – удалой: *Лишь один из них, из опричников, // Удалой боец, буйный молодец, // В золотом ковше не мочил усов* (Лермонтов, «Песня про купца Калашникова»). *Буйная головушка* – о человеке удалом, бесшабашном [3]. *И склонили буйную главу; и птицу в буйстве одолеть желая; яко соколъ на вѣтрехъ ширяся, хотя птицу въ буйствѣ одолѣти* («Слово о полку Игореве»).

Номинация *Великий* присуждалась царям, князьям: *Великий княже Всеволоде!*; *И тогда великий Святослав изронил своё золотое слово*. Элемент *буй* в «Слове о полку Игореве» применяется в качестве своего рода княжеского титула: *...за раны Игоревы, буюго Святъславича! А ты, буй Романе, и Мстиславе! Вы князья буй Рюрик и Давид! Вы князья Мстислав и буй Роман! Молвит буйтур Всеволод*. Идею буйства воплощает также тур: *Славный тур Всеволод!* («Слово о полку Игореве»).

В разных языках известны разные приемы величания. Обычным в славянских языках является величание этикетными номинациями, играющими роль титула: *Ваша Честь, Ваше Величество, Ваше Благородие* и т.п. Момент чествования-величания в русском языке проявлен в номинации по отчеству: *Звать Макаром, а величать Семеновичем* (Л. Толстой). *Ярославна* («Слово о полку Игореве») – отчество дочери досточтимого князя Ярослава. В тюрк. *атаман*: *ата-* – «отец», *-ман* – увеличительный формант. Примечательно то, что величие связывается с патронимическими смыслами. Так, в номинации *Великая Отечественная война* величие войны в том, что она именно *отечественная*. Сама номинация *Отечество* обладает позитивной велеречивой коннотацией.

Индикация чести находит номинативное выражение. Однако окказиональная дескриптивная номинация еще не имя, т.к. не является достоянием узуса. Окказиональное воспринимается как необычное; оно ориентированно на опытные образцы и принадлежит речевому этосу. Существуют образцы мужества, образцы героизма, образцы служения Отечеству, образцы милосердия и т.п.

Личность как событие. Личное достоинство

Событийным статусом обладает «состоявшееся-как»: *состоялся как ученый, состоялся как писатель; как отец он не состоялся; диссертация состоялась* и т.п. Состоявшееся есть всегда «в-себе-состоявшееся», т.е. обладает внутренним субстанциональным тождеством. Человек способен состояться как личность, и в этом смысле личность есть событие. Ср.: *Его можно не любить, но отрицать его вклад в историю кощунственно. Назвать Шакила просто человеком скучно. Он – событие* [9].

Пребывающей в себе личности необходима гарантия безопасности. Опасность отождествляется с оскорблением личного достоинства – достояния личности. В отличие от чести достоинство – категория кодифицированная (лат. *codex* – собрание законов, *facio* – делаю). Гарантией личной безопасности становится институт имени собственного. У человека есть записанное в Конституции право на имя, через которое он вписывается в существующие социальные структуры и попадает под правовую юрисдикцию. Собственное имя выступает в качестве номинативной фиксации человека как субъекта права. Благодаря имени, человек воспринимает не просто как живое существо («тварь дрожащая»), но в качестве того, кто «право имеет». «Только человек в творении субъектен. Свет, космос не субъектны» [10, с. 78]. Имянаречение – способ сублимации (лат. *sublimo* – поднимаю, возношу) человеческих индивидов, возвышающий их над физической реальностью и внушающий мысль о собственном достоинстве и превосходстве⁹. С точки зрения теории речевых актов именование – речевой акт, аналогичный таким речевым актам, как клятва, декларация, благодарность и т.п. Сущность их перформативная. До тех пор, пока формула речи не прозвучала, они не являются осуществленными.

Собственное имя занимает центральное место в структуре правового сознания личности. Правовая деятельность субъекта невозможна без юридического присвоения имени¹⁰. Потому имя выступает не только лингвистической, но и юридической категорией. Имя как юридическая категория представлено в энциклопедических словарях юридических терминов. Юридически устанавливается формула собственного имени. Так, в Республике Беларусь она включает фамилию, имя и отчество [13, с. 241].

Собственное имя – своего рода паспорт лица, его социальный пароль, свидетельствующий о принадлежности к той или иной социальной категории. В самом звуковом облике собственного имени воплощена информация о социальном статусе лица и отношении к нему в социуме: кого-то зовут по фамилии, кого-то по имени, а кто-то иденти-

⁹О роли собственного имени в уголовной субкультуре пишет И. Волосевич: «И уже особенное лъстивое почтение высказывают друзья к тому, кого зовут не по прозвищу, а по имени. Такое бывает только с паханами, атаманами и заводилами» [11].

¹⁰Вопросами языка и права занимается юридическая (правовая) лингвистика. Термин *Rechtlinguistik* («правовая лингвистика») впервые употребил в 1976 г. Адальберт Подлех. Правовой лингвистикой он называл «совокупность всех методов и результатов исследования, имеющим отношение к вопросам связи языка и правовых норм» [12, с. 108].

фицируется прозвищем. Имя – свидетельство пола, возраста, национальности, социального рейтинга личности.

У субъекта есть право быть, и это право манифестируется именем собственным. Право на имя – фундаментальная социально-философская проблема. Имя – свидетельство социальной отдельности, юридической самостоятельности. Собственное имя возводит человеческого индивида в ранг самоценной автономной социальной единицы. Имя «ставит человека на учет» в обществе, выводит его из социального небытия и неизвестности. Собственное имя играет для субъекта роль, аналогичную «метке» в тварном мире объектов (зарубка, номер, кличка и т.п.). П. Флоренский рассматривал собственные имена в качестве проявлений одного из высших типов иерархии жизни. В его концепции имя как инвариант субъективности противопоставляется числу как инварианту объективности. «Имя есть форма внутренней организации. Ей соответствует *число* как форма организации внешней. Иначе говоря, инварианту субъективности противопоставляется инвариант объективности. ...Имя инвариант личностный, а число – вещественный» [14, с. 85]. «Я трансцендентно, спрятано не только от других, но и от себя самого в собственной своей глубине. Является же яно или презентует себя как Ты и как Он. Как Ты яно презентует себе лицом, а як Он – вещью. Через имя Я проявляет себя как ТЫ, а потому осознает себя: через число Я становится Он, и потому оценивает» [14, с. 88].

Без собственного имени человек только индивид (объект), известный в социуме под тем или иным дескриптивом¹¹. Такой статус имели первобытные дескриптивные названия членов родового коллектива. В древнем азбуковнике написано: «Первых родов и имен человеци ... до некоего времени даяху детям своим имена, якоже отец и мать отротати изволят: или от взора и естества, или от вещи, или от притчи. Такожде и словене прежде их крещения давали имена детям своим сице: *Богдан, Божен, Первой, Второй, Любим* и ина такова. Добра же суть и та» [16, с. 409–410].

Право на имя является личным правом каждого гражданина, реализующимся в разных жизненных ситуациях, например, при рождении ребенка, установлении отцовства, при усыновлении-удочерении и т.п. Деноминация (перемена имени) разрешается и регламентируется правовыми органами.

Институт имени собственного как результат правового закрепления и удостоверения духовного «Я» играет главную роль в процессе становления тождественной самой себе личности в ее социальных контактах. «До имени человек не есть еще человек, ни для себя, ни для других, не есть субъект личностных отношений, значит не есть член общества, а только возможность человека, обещание такого, зародыш» [17, с. 62]. Смысл существования собственного имени заключается в институционализации идентичности личности, с которой под влиянием физических и социальных факторов происходят перемены, но которая, тем не менее, сохраняет собственную внутреннюю целостность, оставаясь сама собой.

¹¹Нередко понятия «индивид» («индивидуум») и «личность отождествляются. Однако, индивид – решительно не то, что личность. «Никаких оснований нет для того, чтобы переводить «индивид» как личность. Это самый настоящий объект и более ничего, только взятый с определенной стороны [15, с. 108]. Личность – всегда субъект, хотя понятие «субъект» шире понятия «личность» (как понятие «объект» шире понятия «индивид»). «Индивидом же является не только человек, но и вот эта гора, и этот алмаз. Индивид есть отдельное, в котором существует общее» [15, с. 215]. Эмпирически каждая личность представляет собой особенный экземпляр человеческого рода и в этом смысле выступает как индивид. В мире столько индивидуальностей, сколько людей. Однако не наоборот: не всякий индивид – личность.

Имя – эмическая единица языка. Эмическая институционализация есть любая, принятая неким коллективом совокупность практик (процедур), открывающая возможность создавать языковые институты – имена. Реализуется формула «X принимается за Y в контексте C». Институционализацией называется акты приписывания референту (X) особого статуса (Y), наделяющего референта полномочиями на выполнение тех или иных статусных ролей. В качестве необходимого условия данный статус требует, чтобы его приписывали. Так, когда мы приписываем статусную роль Y некоторому предмету или человеку X, мы обычно создаем ситуацию, в которой принимаем, что человек S, находящийся в соответствующем отношении к X, таков, что S обладает полномочиями осуществлять A [18, с. 17].

Человек обладает способностью, которой не обладают другие животные, а именно наделять статусной ролью объекты, которые не могут исполнять эти роли только благодаря своим физическим свойствам. Это происходит благодаря тому, что индивид (объект) становится обладателем того или иного статуса, т.е. наделяется статусной ролью. Индивид обретает роль и становится полномочным, только благодаря предписыванию ему известного статуса.

Социальный статус референты обретают не иначе как через акт устанавливающей прескрипции. Одновременно с установлением известного статуса референт наделяется той или иной социальной ролью, детерминирующей его ролевые акты как должные. Имя собственное связано с выражением личного достоинства («себестоимости») субъектов как самодостаточных социальных единиц. Осмысление личного достоинства субъекта неизменно проявляется в употреблении его собственного имени. Например, в употреблении его полной и сокращенной формулы. «Імя, – пишет Ян Скрыган, – ...заслугоўвае, каб яго шанавалі і лічылі на першым месцы, каб яго вымаўлялі, а не падменьвалі ініцыяламі... Паглядзіце, як аўтарытэтна і ганарова гучаць *Аляксандр Пушкін, Леў Талстой, Янка Купала, Якуб Колас*» [19, с. 231].

Связанные с собственным именем социальные прескрипции – факт, известный всем народам Земли. *Булат* (сорт стали) – имя, употребляемое многими народами Азии. Имя вменяет личности парадигму бытия, воплощает в себе моральный императив. Имя судьбоносно обрекает своего носителя на становление: *Станислав* – стань славным, *Людмила* – стань людям мила, *Владимир* – владей миром; *Петр* – камень, *Василий* – царственный и т.п.¹² Ср. идеологизированные номинативные эксперименты советского времени: *Любимина* (люби истину), *Ревмир* (революция мировая), *Марлен* – Маркс-Ленин); *Кінамеханік тут фігура! Самі пабачыце. А як яго імя, ніколі не здагадаецца: Молат; Праўда, Молат Дзмітрыевіч. Самае індустрыяльнае імя ўляпілі бацькі на ўсё жыццё* (С. Граховский).

Имя собственное манифестирует личную свободу: Я, Васіль Шырکو, *грамадзянін маёй рэспублікі, літаратар і журналіст, буду на выбарах галасаваць толькі за Зянона Пазняка* («Наша доля»). Лишаясь свободы, человек лишается также имени: – *Нумар 564! Да каменданта Карчынскага бягом марш! – Пане каменданце, арыштаваны нумар 564 паслушна стае на росказ!* (В. Яговдик); – *Новенькі? – запыніўся, дыхнуўшы дымам, запытаў у яго вартавы. – Нумар 207? Не імя, не прозвішча, а нумар? – 207-мы? – груба перапытаў той* (Г. Далидович).

¹²*Барома* (свинья) – так называли папуаску, вмения ей быть плодovitой, живучей, упорной в поиске корешков и клубней; *Ила* (топор) называли мальчика папуаса, вмения ему быть крепким, острым, воинственным подобно топору. *Булат* (сорт стали) – имя, известное во многих народов Азии [20, с. 27–28].

Обретение собственного имени понимается как событие. Библейское выражение **и сотворимъ себѣ имя** трактуется как противный смирению акт превознесение себя над миром: **І рекоша: прїидите, созидемъ себѣ град и столпъ, егуже верхъ бѣдетъ даже до небесе: и сотворимъ себѣ имя, прежде неже разсѣятися намъ по лицѹ всея земли** (Быт 11:4). **Воздати себѣ имя** – значит узаконить себя как субъекта права – «возвести в закон», стать причастным к обладателю абсолютного бытия – Богу. Благодаря институту имени¹³ индивид пребывает в законе, становится законным.

В имени воплощается речевой пафос: – *Паслухай, ты... – шэпт Хрысці стаў прарывісты. – У майго сына ёсць імя, прозвішча і імя па бацьку. Ён – Хведар Хведаравіч Жытнік. Разумееш? Мой муж, Хведар Жытнік, які загінуў на фронце, наказаў даць гэтаму дзіцяці сваё прозвішча і імя... І я нікому! Разумееш? Нікому! Нават табе не дазволю!* (К. Калина).

Институциональным статусом обладают также агентивные имена. Акты именованья (наречения) есть не что иное, как коллективное приписывание референтам статусных ролей: *И детей они // В их младые дни // Нарекли невестой с женихом* (Гёте; пер. А.К. Толстого); *[Самозванец]: А кого // Наследником наречь намерен он?* (Пушкин). Сам акт наречения является актом перформативным. Произношение есть осуществление социального акта, обладающего юридической и моральной перспективой. Нет иного способа наречь, как только произнести *«Нарекаю...»*. Вместе с актом наречения референт обретает те или иные полномочия. Предписания должного исполнения субъектом роли «вгоняют» индивида в установленный поведенческий образец. Социум смотрит на носителя нарицательного имени через призму его имени, т.е. в связи с теми или иными эспектациями – социальными ожиданиями, регламентирующими тип поведения. Коллективные эспектации предусматривают известный социальный эталон (стандарт), в сопоставлении с которым устанавливается нарицательная стоимость агентов. Допускаются два момента подобного измерения: совпадение с принятым эталоном и несовпадение с ним; ср.: *Ну які ты жаніх! – аж закіпеў бацька. – Які ты жаніх!* (Мележ); *От это – кавалер! – пахвалілі ў палаце* (Калина).

Нарицательное имя – выданное социальное удостоверение субъекта, наделенного теми или иными полномочиями. Легitimность подобного удостоверения непрерывно верифицируется социальной средой: *Ты ж лейтэнант! Чаму ляжыш? Камандуйце напластунску наперад!* (Быков). *Мы во бабы і то... А ты ж франтавік* (Борисевич). *На тое яны і мужчыны!* (Гигевич). Обладатель статусной роли вынужден доказывать и оправдывать собственную нарицательную стоимость – достоинство, ориентироваться на социальный динамический стереотип: *Я салдат. І не дзеля таго я апрануў ваенную форму, каб толькі пра тое і думаць, як у царкву вырвацца. Салдат, веруючы ён ці атэіст, заўсёды павінен быць гатовы ўзяць у рукі зброю, абараніць сваю зямлю ад ворага* (Зданюк).

Экономическим термином *достоинство* отмечается не только нарицательная стоимость ценных бумаг (*облигацыя достоинством в 50 рублей*), но и «удельный вес» субъектов права: *За победы у Гжатска, Царева Займища, Духовицины он [Платов] был возведён в графское достоинство* (Никулин). Пол. *godność* не только 'świadomość własnej wartości, szacunek dla samego siebie; дума', но титул: *Nie było między nimi ani jednego, który by jakąś godnością zaszczycony nie był lub przynajmniej tytułu nie używał*

¹³В строгом смысле именем бывает только имя собственное.

(Ю.И. Крашевский); *Wyniesiony na godność wojewody lubelskiego, pomnożył znacznie swe majętności* (Śliw. A Sob.). Достоинство как нарицательная стоимость субъекта не может не учитываться в общении с ним: *Pan Kokosiński posunął się krok naprzód, chrząknął i tak rozpoczął: – Jaśnie wielmożna panno podkomorzanko... – Łowczanko – poprawił Kmicic. – Jaśnie wielmożna panno łowczanko, a nam wielce miłościwa dobrodziejko! – powtórzył zmieszany pan Jaromir – wybacz waćpana, leżeliśmy się w godności pomylił...* (Г. Сенкевич).

В польском языке термин *godność* употребляется в вопросе о фамилии: *Pańska godność? A jak Pana (pańska) godność? Pańska godność, jeśli wolno wiedzieć?*

Способность имени удостоверить нарицательную стоимость референта эксплуатируется в т.н. «говорящих» фамилиях: *Из громкоговорителя раздается, перекрывая шум сутолоки, требовательное распоряжение: «Предприниматели Нищенко и Копейка, зайдите в администрацию рынка!». Ничего себе, какие говорящие фамилии. Нарочно не придумаешь. ...При Грибоедове, помнится, в моде были молодые перспективные чиновники Молчалины. А как теперь насчет, например, заматерелых Мздоимчиковых? Впрочем, сия порода не переводится ни при каких властях, у нее корни глубоко исторические. Клан от периода к периоду то сильнее, то слабее. Сейчас, как уверяет народная молва, он в фаворе у судьбы: от пристрастий служилых персон ко взяткам плачут и Богатенькие, и Лимузинские, и Крутовичи. Ведь даже Аллу Борисовну Пугачеву с некоторых пор обожатели любят уже просто как мадам Брошкину [21].*

Оскорбление личности квалифицируется как совершенное преступление. Однако совершить не значит «сделать»; совершение есть умышленное предприятие, повлекшее за собой перемену состояния. Совершенство как моральная категория связано с достоинством свободной личности. В совершенстве воплощена идея абсолютного. Совершенство понимается как свобода от недостатков. Эта категория не предусматривает отношения «выше – ниже», но оперирует абсолютными представлениями «верх» и «низ». Говорится о «верхе» совершенства.

Оскорбительным для личного достоинства является прозвище. В современных субкультурах феномен прозвища бытует «заочно» – произносятся за глаза. Будучи неофициальным идентификатором человека, прозвище выступает в качестве номинативно воплощенное «замечание» человеку. То в человеке, что не совпадает с этической регламентацией, принятыми обычаями, способно стать мотивом для возникновения прозвища. Чаще всего замечается необычность поведения или индивидуальные физические недостатки: *Весь уезд дразнит доктора Щуром за его вечно прищуренные глаза; дразнил и я. Увидев, что я проснулся, Вознесенский подошел ко мне, сел на край кровати и тотчас же потянул к своим прищуренным глазам коробку со спичками* (Чехов).

Оскорбляется мужское достоинство. Нет ничего оскорбительнее для мужчины, как назвать его *бабой*: *Умысля тотъ Андрей подаль на меня... будось я, холоп твой, безчестиль и лаял и называль будто я жонкою... Князь литовский Иван, а прозвище ему баба [22, с. 115]; Даша все молчала и слушала. – Стой подожди еще. Он баба – но ведь тебе же лучше. Жалкая, впрочем, баба; его совсем не стоило бы любить женщине* (Достоевский).

Оскорбленным бывает не только личное, но и профессиональное достоинство. Для доктора таким оскорблением станет номинация *коновал*, для преподавателя – *препод*, для учительницы – *училка* и т.п.

Для личности оскорбительна пошлость: *Нет ничего страшнее, оскорбительнее, тоскливее пошлости. Бежать отсюда, бежать сегодня же, иначе я сойду с ума!* (Чехов, «Учитель словесности»).

Сочетание *пошлость жизни* относится к числу устойчивых и воспроизводимых сочетаний русского языка. Основанием жизненной пошлости является однообразная повторяемость. Человек изо дня в день движется как бы по заколдованному кругу: *Он [Янин] соображал, что все это будет продолжаться и повторяться в разных видах без конца и что в сорок и пятьдесят лет будут такие же заботы и мысли, как и в тридцать один, одним словом, из этой твердой скорлупы ему не выйти уже до самой сме-рти* (А.П. Чехов, «Расстройство компенсации»).

В контексте оскорбительной для личности пошлости становится понятным оскорбительная направленность динамических актов речи по типу «*Пошел ты...*», «*Иди ты...*». Оскорбительный момент присутствует даже в, казалось бы, не грубом, шутивном, выражении «*Иди ты в баню*». Баня ассоциируется с губительным для бытия личностью равенством («*В бане все равны*»).

Ощущение пошлости – протест личности («Я») против губительной и чуждой для личности формы «быть как все»: *Я ненавижу пошлость жизни, Мне чуждо быть таким как все* (Из Интернета). Хосе Ортега-и-Гассет в «Восстании масс» противопоставляет жизнь благородную и жизнь пошлую, или энергию и косность [23, с. 309–310]. Благородная напряженная жизнь противопоставляется жизни, которая замыкается сама в себе, осужденная на *perpetuum mobile* – вечное движение на одном месте, – пока какая-нибудь внешняя сила не выведет ее из этого состояния. «И, конечно же, радикальнее всего делить человечество на два класса: на тех, кто требует от себя многого и сам на себя взваливает тяготы и обязательства, и на тех, кто не требует ничего и для кого жить – это плыть по течению, оставаясь таким, какой ни есть, и не силясь перерасти себя. Масса – это посредственность, всякий и каждый, кто... чувствует и осознает себя таким же, “как все”, и не только не удручен, но и доволен собственной неотличимостью». [23, с. 310]. Пошлой массе противостоит элита – благородные активные люди, для которых жизнь – вечное напряжение, непрерывная аскеза. Они – аскеты.

Итак, в деле защиты чести человека и гарантии безопасности личности первичную роль играют языковые институты, в центре которых стоит категория имени. Проблема поруганной чести и оскорбленного достоинства находится в сфере действенного применения языка. Поругание чести осуществляется вербальными интеракциями, оскорбление достоинства воплощается в речевых трансакциях. Исследование вопросов чести-достоинства связано с фундаментальной для речевой деятельности проблемой этических и пафосных составляющих речи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3, с изм. – Режим доступа: <http://pravo.kulichki.com/vip/uk/00000015.htm>.

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-3, с изм. – Режим доступа: http://kodeksy-by.com/koap_rb/9.3.htm.

3. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / ред. Э. М. Благова [и др.]. – М. : Рус. яз., 1999. – 842 с.

4. Словарь русского языка : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981–1984. – Т. 4. – 797 с.

5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tolkslovar.ru/n6717.html>).

6. Монтэгю, А. Касание. Человеческое значение кожи / А. Монтэгю. – М., 1986. – 234 с.
7. Правда. – 1980. – № 54.
8. Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. / А. Г. Преображенский. – М. : Изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. – Т. 1. – 144 с.
9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://basetop.ru/top-10-luchshih-basketbolistov-v-istorii/>.
10. Отоцкий-Закутин, Л. Философемы и символы (О Софии, «софианстве» и усии человеческой) / Л. Отоцкий-Закутин. – Мюнхен, 1973. – 93 с.
11. Маладосць. – 1991. – № 3.
12. Podlech, Adalbert. Rechtslinguistik / Adalbert Podlech // Rechtswissenschaft und Nachbarwissenschaften. – München : Beck, 1976. – Bd. II. – S. 105–116.
13. Юрыдычны энцыклапедычны слоўнік / рэдкал.: С. В. Кузьмін [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1992. – 328 с.
14. Флоренский, П. Имена / П. Флоренский // Малое собр. соч. – Кострома, 1993. – Вып 1. – 115 с.
15. Булгаков, С. Учение об ипостаси и сущности в восточном и западном богословии / С. Булгаков // Философско-литературные штудии. – Минск, 1992. – Вып. 2 – С. 209–232.
16. Успенский, Л. В. Слово о словах. Ты и твое имя / Л. В. Успенский. – Л. : Лениздат, 1962. – С. 409–410.
17. Лосев, А. Ф. Бытие – имя – космос / А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1993. – 958 с.
18. Серл, Дж. Что такое институт? / Дж. Серл // Вопр. экономики. – 2007. – № 8. – С. 17–36.
19. Скрыган, Я. Імя / Я. Скрыган // Некалькі хвілін чужога жыцця : апаваданні, успаміны, роздум. – Минск, 1990. – С. 231–247.
20. Ивашко, В. Р. Как выбирают имена / В. Р. Ивашко. – Минск : Выш. шк., 1980. – 57 с.
21. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sb.by/post/12703/>.
22. Крейтор, А. М. Зіставний аналіз з семантики слова «баба» в українській та російській мовах / А. М. Крейтор // Україн. мовознавство. – 1982. – № 10. – С. 112–120.
23. Ортега-и-Гассет, Х. Эстетика. Философия культуры / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : Искусство, 1991. – 588 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 28.06.2016

Senkevich V.I. Violation of Honor and Dignity in the Language and Oral Activity

Ethic and legal categories «honor» and «dignity» are connected with two levels of the «existence» – immanent (energeia), not running beyond the boundaries of its own experience, and transcendent (dynamis), which is understood as a way of a person's sublimation over the empiric reality. The «honor» concept has a verbal status and manifests itself specifically in different sub-cultures. An ethic reality infelt in the experience exists beyond the boundaries of reflection and has an «osculating» status. Negative actions connected with the honor are understood as violation and mockery. Ritual examples of honoring a man are played off against them; among them a glorifying ritual plays a special role in the Slavic cultures. Dishonor in the broad sense of the word is lead up to a fundamental ethic category – rudeness. The dignity and human freedom category is connected with the institute of a proper name. The process of naming is a translative institutional act, as well as the way of designing a social reality. A personal injury is qualified as the event having a legal perspective. Vulgarity is offensive as well. Offence acts are divided into insults of a personal, professional and national dignity.